

Сэр Суер-Выер

Еще два фрагмента пергамента*

Юрий КОВАЛЬ

Капитанское пари

Мы проплыли еще немного вперед, проскочили мимо тех двух жлобов, у которых на карте название было, и довольно скоро увидели впереди обширнейший остров.

Издали заметны были богатые подвалы и крепостные рвы, капитальные фундаменты, выгребные ямы, оросительные системы, каналы.

Встречать «Лавра Георгиевича», вошедшего в гавань, высыпало много островитян, сильно напоминающих эдаких мгробо-индюков. У некоторых был весьма и весьма зажавшийся вид.

— Извините, господа, — сказал капитан, когда мы высадились на берег, — ваш остров обозначен на карте?

— О, нет! О, нет! Что вы, капитан! Ни в коем случае! Мы ни за что не желаем обозначать наш остров.

— А не тот ли это остров, название которого заляпано?

— Нет-нет-нет! Тот остров, название которого заляпано, вы проплыли.

— Ну и как же он называется?

— А мы не знаем. На нашей карте его название тоже заляпано.

— А ваш-то остров как называется?

— А вы никому не скажете?

— Клянусь! — сказал сэр Суер-Выер, совершенно измученный всеми этими трудностями.

— Пожалуйста, сэр. Никому не говорите и не обозначайте наш остров на карте.

— Ну и? — спросил Суер-Выер.

— Что ну и? — спрашивали островитяне.

— Как он называется?

— Сэр, мы боимся вас напугать.

— Да что вы, ей-богу, говорите, пожалуйста, я вас прошу. Мы устали с этими названиями...

— Хорошо, капитан, не волнуйтесь...

— Да я не волнуюсь, говорите скорей.

— Приготовились?

— Да-да-да! Да!

— Ну так слушайте. Это — **ОСТРОВ, НА КОТОРОМ ВСЕ**

ЕСТЬ.

— Как то есть **ВСЕ ЕСТЬ?**

— Ну всё, абсолютно **ВСЕ.**

— И это не тот остров, название которого заляпано?

— Да нет же, капитан. У нас название есть, но самого острова нет на карте, а у тех название заляпано. Ясно?

— Ну и что у вас есть?

— Все-все. Абсолютно.

— Шахматы и каштаны?

— Есть.

— Женщины,

лошади,

подтяжки,

сухофрукты,

водка,

вкусная жратва,

керосиновые лавки,

мебель,

канделябры,

кокаин,

мольберты,

дети,

скульптура?

— Есть.

— Самовары,

очки,

шоколадные изделия,

бревна,

ювелирные мастерские,

обменные бюро,

тещи,

факиры,

носки?

— Есть. Есть все это, сэр. Вы особо не утруждайтесь, не напрягайте мозги. У нас есть все.

— И вы все это можете нам дать?

— Дать? Почему это дать? Продать можем.

— Покажите товар, — сказал сэр Суер-Выер, и нас повели по лавкам.

На этот раз досточтимый сэр отпустил на берег весь экипаж. Матросам пора было поразвлечься, купить кто что мог по своим карманам возможностям.

На «Лавре» капитан все-таки оставил дежурного. Дежурить неожиданно вызвался боцман Чугайло.

— А ну их на хрен, — говорил он. — У меня тоже все есть! Не пойду, подежурю, только вы уж, сэр, потом мне два отгула, пожалуйста.

— О чем речь, господин Чугайло. Два отгула — две вахты, слово капитана!

Чугайло остался на борту, ну а мы — изх! — покатили по местным ларькам и керосиновым лавкам.

Многие, многие из нас тогда кой-чего купили.

Кацман купил два фейерверка.

Старпом Пахомыч — запасной форштевень для «Лавра».

Сэр Суер-Выер хотел было купить третью частичку для своей фамилии, чтоб получилось Суер-Выер-Дояр, но мы отсоветовали: дороговато и по вкусу нам не подходит.

Мичман Хренов купил специальную клизму с хрустальным горлышком-раструбом. Этой клизмой, оказывается, собирают случайно пролитые из рюмок на стол напитки. Полезный и дорогостоящий прибор. Он потом сильно себя оправдал.

Механик Семенов купил было пассатижи, которые давно утерял, да тут случился конфуз.

Продавец уже взял деньги, сунул их за пазуху и крикнул:

— Эй, Пассатижи!

Тут из подсобики вышел приземистый человек с жуткими плоскими челюстями.

— Чего, — говорит, — такое?

— А ничего. Тебя просто купили. Вот этот самый господин. Служи рачительно!

* См. «Столицу» № 9 за этот год.

— Слушаюсь, товарищ продавец!
— Как?! — напугался Семенов. — Это пассатижи?
— Ну, конечно, — сказал Пассатижи. — Зажать, отвернуть, придержать.

И он схватил зубами какую-то водопроводную гайку и мигом открутил ее от трубы, хотя и та и другая заросли ржавчиной, как пни олятами.

— Я и за гаечный ключ могу, за шведский, — пояснил Пассатижи.

— Да ну вас к хренам! — сказал Семенов. — Вертайте деньги! Я хотел нормальные пассатижи, а вы черт знает что подсунули.

— Но это же гораздо лучше, — уверял продавец. — Значительно удобней и не надо прилагать усилий.

— Гони деньги! Я думал нормальные пассатижи, а так-то я и сам могу.

И он зажал зубами ту же гайку и навинтил ее обратно на трубу.

Мадам Френкель долго торчала в ларьке с одеялами и не выдержала — купила все-таки хорошее верблюжье покрывало.

Матрос Вампиров купил ухо кита.

Петров-Лодкин — стеклярус.

Впередсмотрящий — ящик пива.

Рулевой Рыков купил румпель, а румпелевой Раков купил руль.

Супер-карго Пердонию Пердюк купил водки верблюжий курдюк.

Отец Нектарий купил земли гектарий.

Матрос Веслоухов — полкило ложных слухов.

Кок Хашкин купил чулок милашкин.

Кочегар Ковпак купил папаху-колпак.

Валет трэфовый купил жилет пуховый.

— Откуда он взялся? — вдруг спросил Суер-Вьер.

— Кто?

— Да этот вон валет!

— А, — сказал Кацман. — Это из моей колоды. Выскочил — и покупать!

Сэр Суер-Вьер присмотрел себе неплохую курительную трубку. Ничего особенного, но — чистый вереск, удобный мундштук. Туда-сюда — дороговато.

— Послушайте, — сказал Суер островитянам. — Мне хочется иметь эту трубку. Может, подарите?

— Извините, сэр, мы вас уважаем, но трубку продаем. Если вы, конечно, купите трубку, то мы бесплатно добавим вам ершики, чтоб ее чистить.

— А табачку?

— А табачку — извините, сэр.

— Хорошо, — сказал Суер. — Итак, вы говорите, что у вас на острове все есть? Не так ли?

— Это так, сэр, — печально почему-то отвечали зажавшиеся островитяне.

— Предлагаю пари, — сказал Суер-Вьер. — Я называю ТО, чего у вас на острове нет, и ставлю свой капитанский краб против этой трубки. Подчеркиваю: краб чистого золота.

— Не стоит вам спорить, сэр, — советовали островитяне. — Мы понимаем, что вы сейчас назовете какую-нибудь нравственность или чистоту помысла. Не трудитесь, сэр, и это все у нас есть. У нас есть все предметы, существующие на земном шаре и вне его, есть все понятия и качества, не говоря уж о животных и растениях, есть все веры и нации, все горные хребты, моря и реки. И все это умещается, потому что есть и четвертое измерение! Есть все, сэр! Все! Абсолютно все! Берегите кокарду, сэр, и, поверьте, мы вас очень уважаем и подарили бы трубку, но принципы, черт их подери, у нас тоже есть.

— Пари! — настаивал капитан.

— С нами многие спорили, — устало уговаривали островитяне. — То что-нибудь из космоса завернут, какую-нибудь туманность Андромеды, то из отвлеченных материй. Чепуха это. У нас есть все. Понимаете?

— Пари.

Продавец трубки, между тем, посматривал на капитанскую кокарду-краба с немалым интересом. Чем больше он на него глядел, тем больше хотел выиграть.

— Да что вы отговариваете, — говорил он своим согражданам. — Пускай играет. Пари есть пари. Я принимаю вызов. Пускай он шепнет мне на ухо, чего у НАС НЕТ, и все дела. Давай спорить. Пусть кто-нибудь разобьет.

Он выставил свою потную ладонь, и Пахомыч разбил спорящих.

Сэр Суер-Вьер наклонился и что-то шепнул на ухо продавцу. Тот побледнел, схватился за сердце и вяло протянул капитану трубку.

— Вы выиграли, — сказал он.

Под гром оваций мы погрузились на корабль, отдали концы и отплыли от острова. На борту мы, конечно, сразу пристали к Суеру, чтоб рассказал, как выиграл пари.

— Ну что вы сказали, кэп? Ну интересно же!

— Неужто не догадываетесь? — веселился уважаемый сэр.

— Никак нет, не догадываемся.

— Да все очень просто, — пояснял Суер. — Я сказал ему: У ВАС НЕТ БОЦМАНА ЧУГАЙЛЫ.

Надписи на веревке*

Боцман Чугайло вначале даже не понял, в какой изумительной выступил он роли, и толковал о двух отгулах за дежурство.

Когда же немного стал соображать, повел речь и о третьем.

— Ну что, Хомыч? — спрашивал капитан. — Дадим третий отгул?

— Не убежден, — упрямылся старпом. — За что, собственное? За вашу гениальность? Нет. Он не заслужил.

— Вы старпом, вам и решать.

Не получивший третьего отгула боцман страшно разъярился.

— Мною трубки выигрывают! — кричал он с топотом. — А мне отгулов не дают! Я — высокоценная вещь, одна на всем свете. А мне отгула не дают! Такой вещи, как я, нету даже на острове, на котором все есть! Абсолютно все есть, а меня нету!

А меня нету!

А меня нету!

Нету Чугайлы у них ни хрена!

Нету Чугайлы у них ни хрена!

Бедный я бедный! Меня там нету, а мне отгула не дают!

Не дают! Не дают!

А трубку курят!

Курят!

Курят!

А я тут дежурю так, что жили лопаются, а мне отгула не дают!

Мы просто не знали, как его унять.

То он требовал третьего отгула, то вознаграждения, то хоть рюмочку портвейна, то золотые горы, то лошадь, то саблю, то коня. Надел ужасно.

Пока он прыгал, пел и плакал, мы не заметили, что за нами увязалась шкуна без опознавательных знаковых систем под черными парусами.

На ней вдруг появилось пороховое облако, и чугунное ядро взрыло нос перед нашим «Лавром». И потом уж грохнула пушка.

— Звук выстрела долетает позже, — неожиданно пояснил мичман Хренов.

— Чу! — цыкнул капитан, и Хренов поник.

На шкуне по веревкам побежали разноцветные флажки, которыми было написано:

ОТДАЙТЕ НАМ БОЦМАНА ЧУГАЙЛУ!

Капитан велел принести флажков и пустить по веревке такую надпись:

А ЗАЧЕМ?

В ответ написали:

НАДА.

Капитан велел:

ОБЪЯСНИТЕ ПРИЧИНЫ.

В ответ написали:

У НАС НА ОСТРОВЕ ЕСТЬ ВСЕ, КРОМЕ ЧУГАЙЛЫ. ОТДАЙТЕ.

А ТО ХУДА БУДЕТ!

— Прямо и не знаю, что делать, — сказал Суер. — Запятые ставят, как надо, а само «надо» пишут «нада», к нему еще и «ху-да». Эй, веревочный, напиши там:

У ВАС ОШИБКИ.

В ответ написали:

КАКИЕ ЕЩЕ, ЯДРЕНЬТЫ, ОШИБКИ?

Суер велел веревочному:

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ.

В ответ написали:

ВАМ ЧЕГО ХУДЫ НАДА?

Веревочный Верблюдов сказал:

* По-морскому, вообще-то, не «веревка», а «конец».

Но многие сухопутные читатели могут меня неверно понять.

— Разрешите, сэр, послать их на этот остров.
— Нет-нет, — сказал капитан. — Я не позволю писать такое флажками нашего «Лавра». Чего-чего, а у нас на судне цензура есть. Напишите так:

СОВЕТ ЗАСЕДАЕТ. ОБОЖДИТЕ.

Они написали:

ЛАДНО.

— Ну что будем делать, господа? — спросил капитан. — Отдадим или нет?

— Отдать можно, — рассуждали мы. — Но интересно, что мы получим взамен.

— На сундук драгоценностей можно не рассчитывать, — сказал капитан.

— Ну тогда хоть ящик пива, — сказал Хренов.

— И пару вобил, — добавил Семенов.

— Да не дадут, — сказал старпом. — Пусть хоть по бутылке на брата. Вобла-то у нас еще осталась. Эй, Верблюдов, напиши там:

А ЧЕГО ДАДИТЕ?

Те, на шкуне, долго не отвечали, наконец, выкинули на веревке такие флажки:

ЗАСЕДАЕМ СОВЕТОМ.

Все это время боцман Чугайло носился по фрегату, прыгал с бака на корму и с фока на бизань.

— Судьба человека! Судьба человека! Судьба человека! — орал он. — Решается!

Решается!

Решается!

Хрен с ним, с третьим отгулом!

Наконец, на шкуне выкинули флажки:

ДАЕМ БУТЫЛКУ ПИВА ЗА КИЛО ВЕСА.

— Черт возьми, — сказал капитан. — Пиши, Верблюша:

КАКОГО?

В ответ написали:

ЖИВОГО.

Капитан велел:

ДА НЕТ, ПИВА КАКОГО?

В ответ написали:

ЖИГУЛЕВСКОГО!

— Ну что ж, — сказал капитан. — Решайте, братцы, что будем делать. Уж очень неохота ядрами с ними перебрасываться.

— Надо брать, — сказал Хренов. — Но сколько же он, черт подери, весит?

Эй, взвешиватели! — крикнул старпом, и из трюма выскочили наши корабельные взвешиватели Хряков и Окорокос с гирями наголо.

— Чего вешать? — ревели они.

— Нельзя ли поспокойнее? — сказал им старпом. — Дело деликатное, а вы гирями размахались. Посмотрите на боцмана и прикиньте на вид, сколько он весит. Пудов на пять тянет?

— И больше вытянет.

— Ну и ладно, — сказал старпом. — А уж там точно взвесят.

— Жалко, что там только на живой вес согласны, — сказал Хренов, — а то бы мы ему в карманы гири поналожили.

— Капитан! — взмолился вдруг боцман и пал на колени. — Спасите, капитан! Я не хочу на этот остров! Оставьте на борту! Я хоть и разбил кому-то харю или две, но в целом-то я очень добросердечный, простой, душевный, ласковый и хороший человек. Я очень люблю людей, детей, собак, бабочек и даже жеребцов. Хрен с ними, с отгулами, у меня очень золотое сердце, я и матом больше не буду, и пить не буду, только рюмочку на Пасху, спасите, сэр, я вам еще пригожусь, поверьте, дорогой сэр!

— Встаньте, боцман! — приказал капитан. — Я и не знал, что вы так дорожите «Лавром». Я готов оставить вас на корабле, но как это сделать? Они вот-вот начнут пальбу, а у нас всего лишь пара ядер, да и те кривые, как тыквы. Застреляют нас эти всем обожающиеся.

— Капитан, вы — гений, — сказал боцман. — Сделайте же что-нибудь гениальное.

— Пока ничего в голову не приходит, — сказал Суер. — Ладно, давайте пока поторгумся, напиши там:

МАЛО.

Те ответили:

ДАЕМ ПО ДВЕ.

— Надо как-то выиграть время, — сказал капитан. — Но как? Стоп! Нашел! Объясняю суть: мы все были на острове, кроме Чугайлы, поэтому я и выиграл пари. А теперь-то и нас там нет.

Понятно? Ну ладно, кому непонятно, поймет впоследствии. Эй, веревочный, выкидывай надпись:

У ВАС НА ОСТРОВЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕТУ ЧУГАЙЛЫ?

Они написали:

НЕТУ.

Суер велел:

А СУЕР-ВЫЕР ЕСТЬ?

Они подумали и так написали:

БЫЛ, А ТЕПЕРЬ, КАЖИСЬ, ТОЖЕ НЕТУ.

И дальше пошло как по маслу:

А СТАРПОМ ПАХОМЫЧ ЕСТЬ?

НЕТУ.

А ЛОЦМАН КАЦМАН?

НЕТУ.

А ФРЕГАТ «ЛАВР ГЕОРГИЕВИЧ» СО ВСЕМ СВОИМ ЭКИПАЖЕМ ЕСТЬ?

НЕТУ.

Капитан вытер нервный пот и сказал:

— Пиши, вервие:

СОГЛАСНЫ ВСЕ ЭТО ОТДАТЬ ПО ДВЕ БУТЫЛКИ ПИВА ЗА КИЛОГРАММ ЖИВОГО ВЕСА.

На черной шкуне очень долго заседали, их веревочные и румпелевые бегали там сверху вниз, таская ящики пива, кто-то даже кого-то бил по морде, и мы выкинули вопрос:

КОГО ТАМ ПО МОРДЕ БЬЕТЕ?

ДА ТУТ ОДИН ДЕСЯТЬ БУТЫЛОК ПИВА ВЫПИЛ, — ответили они.

Наконец, мы увидели на ихней веревке такую надпись:

У НАС СТОЛЬКО ПИВА С СОБОЮ НЕТУ.

Суер с облегчением вздохнул и сказал:

— Пиши, Верблюша:

ВЫ ВАЛЯЙТЕ ОБРАТНО ЗА ПИВОМ, А МЫ ЗДЕСЬ ПОДОЖДЕМ.

ВЗВЕСИМСЯ КАК СЛЕДУЕТ.

В ответ написали:

А НЕ ОБМАНЕТЕ?

Капитан засмеялся.

— Пиши, Вербо, — сказал он, — **ЧЕСТНОЕ КАПИТАНСКОЕ.**

Те написали:

ВЕРИМ В СЛОВО ВЕЛИКОГО КАПИТАНА ВЕРНЕМСЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА.

Шкуна развернулась и дунула на остров за пивом.

— Ну а теперь, Пахомыч, — сказал капитан, — дуй до горы! Валяй на всю катушку! Трави фок-стаксели хоть налево, хоть направо.

— А ну шевелись, бесенята! — заорал старпом, и Чугайло вскочил с колен и набросился на матросов с подзатыльниками.

«Лавр» раздул свои великие паруса и дунул по восемьдесят седьмому меридиану вниз.

— Как-то неловко, сэр, — сказал я. — Ваше слово — честное капитанское! Обман! Это нас унижает!

— Извини, друг, — сказал Суер-Вьер. — Как ты меня сейчас назвал?

— Я назвал вас «сэр», кэп.

— Так вот, в первую очередь я — сэр, а уж потом — кэп. Еще одно честное слово — слово сэра — у меня осталось в запасе.

Название и форма

Две крутобедрых скалы выросли перед нами из кромешных пучин.

Валунный перешеек объединял их в одно целое, но волны, набегая, то и дело разъединяли их. То соединят, то разъединят, то соединят, то разъединят...

— Какой-то остров соединений и разъединений, — хмыкнул Хренов. Все это мне напоминает простую коно...

— Хватит, Хренов, — резко прервал капитан. — Никого не интересует, что это вам напоминает. А если потомкам будет любопытно, что именно мичман Хренов называет «простой коно...», пусть сами догадываются.

Пристать к этому острову, состоящему из двух скал, было невозможно. Разбиваясь о каменные подошвы, волны рокотали как-то особенно, и казалось, что они толкуют о чем-то, бормочут и разговаривают.

Отец Нектарий умиленно вслушивался в смысл гортанной морской речи.